

ОРАТОРИЯ Германа Галынина «Девушка и Смерть» уже сейчас, после первого исполнения, стала подлинным событием нашей музыкальной жизни. Все, кому посчастливилось ее услышать, пережили то глубоко чувство радости, которое испытываете не часто (тем сильнее оно!) и только при встрече с очень большим и ярким талантом.

Сочинять свое произведение композитор начал в 1950 году, но болезнь надолго задержала завершение работы над партитурой.

Музыка оратории покоряет своей силой. Идея торжества жизни утверждается в ней неумолимой логикой напряженного конфликтного развития, борьбой образов зла и добра, ненависти и любви, мрака и солнечного света. Основа драматургии произведения — острейшие контрасты, столкновения, движущие музыкальное действие и приводящие к оптимистической кульминации — гимну жизни.

В первых частях сочинения среди суровой и мрачной музыки, повествующей о злобе царя, разъяренного проигранной войной, и о его бесчеловечном приговоре, о жутком облике Смерти и ее власти над людьми, маленький лирический эпизод Девушки выглядит на мгновение прорывающим мрак светлым лучом. В дальнейшем образы любви и света неудержимо прорываются на первый план. Но упоению жизнью, полноводному разливу радостных чувств, цветению яркой и чистой лирической мелодики по-прежнему противопоставлено сурово-мрачная сила трагической музыки Смерти (четвертая часть). И только в финале (вновь после напряженной борьбы) любовь и жизнь торжествуют победу.

«Очеловечение» образа Смерти тонко воплощено в музыке. И если оркестровое вступление ко второй части, рисующее облик Смерти, звучит жутко, холодно, как бряцание костей, то постепенно образ ее становится все более сложным и противоречивым. В оркестровом эпизоде чет-

ЗВУЧИТ СОВЕТСКАЯ МУЗЫКА

ПОБЕЖДАЕТ ЖИЗНЬ

вертой части — буйной пляске — нераздельно слиты грозное, злое начало и живая энергия, рвущаяся на простор сила: это в душе Смерти пробуждаются ростки жизни. («Сорвала подсолнух за плетнем, нюхает; любуется, как солнце золотит своим живым огнем лист осины в желтые червонцы»).

Наибольшего напряжения внутренняя борьба достигает в первом разделе финала (шестая часть), где глубоко трагическая, но уже совсем человеческая тема чередуется с мотивами угрожающего пляса, и, постепенно просветляясь, музыка приходит к кульминации — «решению» Смерти: «Пусть будет чудо! Разрешаю я тебе — живи!». Здесь впервые «речь» Смерти окрашивается ослепительным светом мажора, приобретает ораторский пафос.

В оратории в равной степени раскрылись различные стороны многогранного дарования Галынина: эпическая сила, трагедийность и вдохновенный, целомудренный лиризм. Они слиты в неразрывное целое. Поэтому так велико и властно воздействие этого произведения. Весь строй музыкальной речи Галынина выявляет облик очень своеобразного и глубоко национального современного художника. По-новому оживают в «Девушке и Смерти» строгие интонации суровых эпических русских напевов, «ветвистые», люющиеся широко и вольно лирические мелодии протяжной песни. Уходит своими корнями в русский фольклор и ладово-гармоническое мышление. Но при этом песенные обороты, старинные лады, характерно-народные гармонические последования по-современному обострены и динамизированы.

Галынин умеет как бы заново

использовать простые и привычные средства. В частности, особую выразительность и красоту приобретает «обычный мажор», словно прорезающий сумрак суровых минорных ладов своим ярким светом.

Галынин пишет искренне и свободно, просто, ничего не «выдумывая», и вместе с тем он всегда во всеоружии средств современного письма. Сложна, богата и удивительно точна — соответственно каждой драматической ситуации — оркестровая партитура. Образность музыки значительно усилена характерностью тембров различных инструментов и их всевозможными сочетаниями. Отлично использованы хор и солирующие голоса, естественно взаимодействующие друг с другом.

Национальные традиции в оратории выражены не только в органической связи с народным мышлением, но и в большой духовной близости Галынина Мусоргскому. Выявилась она и в самом интересе к проблеме жизни и смерти, и в характерном сочетании в музыке эпичности и драматизма, и в трагическом преломлении и переосмыслении традиционных бытовых жанров (использование народной колыбельной «Баю, баюшки-баю» в четвертой части — песни Смерти), и порой в самом складе интонирования, гармонического языка.

Преемственные связи с народной музыкой и русской классикой сделали еще более очевидной своеобразную и сильную индивидуальность композитора.

Заслуга первого исполнения оратории принадлежит Г. Рождественскому. Начав свой путь дирижера «Эпической поэмой» (первое публичное выступление в 1950 году), этот одаренный музыкант остался верен своей люб-

ви к музыке Галынина. Оратория «Девушка и Смерть» нашла в нем талантливого интерпретатора. Рождественский раскрывает слушателям суровое величие и жизнеутверждающую силу галынинской музыки, выявил острую конфликтность драматургии произведения, богатство его хорового и оркестрового письма.

С искренним воодушевлением работали над своими партиями солисты: Н. Полякова, Г. Троицкий, А. Соколов, А. Яковенко, М. Решетин, В. Махов, Большой хор и его художественный руко-

водитель профессор К. Птица (хормейстеры М. Бондарь, Л. Ермакова, концертмейстер Н. Борисова) и Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио и телевидения. Из группы отличных солистов Н. Полякову выделили особая эмоциональная наполненность и одухотворенность исполнения.

Энтузиазм, с которым работали все участники первого исполнения оратории, дал замечательный результат: радиопередача «Девушки и Смерти» Г. Галынина прошла на высоком художественном уровне. Это был серьезный творческий успех всего коллектива исполнителей.

Но это было и началом живой, яркой и, хочется верить, долгой жизни выдающегося современного произведения музыкального искусства.

Г. КАСАТКИНА.

СОВЕТСКАЯ МУЗЫКА
г. МОСКВА
25 ИЮН 1954